

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612

EDN: BIMYQZ

Научная статья / Research article

Эволюция авторской картины мира по модели «свой — чужой» в творчестве чувашских писателей постреволюционного времени

В.Г. Родионов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ vitrod1@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования возрастает в условиях неуклонного укрепления в современном мире поликультурного пространства и усиления в нем роли межкультурного диалога. В процессе поиска оптимальных форм диалога разных культур весьма полезен художественно-вербальный опыт национальных меньшинств («инородцев») в годы становления советской России. Нас интересует авторская картина мира писателей в призме этнической самоидентификации, их поиск путей дальнейшего существования нации в условиях изменяющейся действительности. Цель работы — выявление авторских картин мира в их разнообразии и эволюции. Материалами исследования стали произведения талантливых чувашских писателей, которые сочинены (опубликованы, доработаны или поставлены на сцене театра) в 1917–1924 гг. Охарактеризовано пограничное состояние нескольких изучающих человека и его культуры наук. Используются как литературоведческие и психологические, так и этнологические подходы. Преобладает сопоставительный анализ с его нацеленностью на выявление единично-уникального.

Ключевые слова: внутриэтнический конфликт, литературный канон, этническая символика, этноцентризм, смута, диалог, Н.Г. Гарин-Михайловский

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Родионов В.Г. Эволюция авторской картины мира по модели «свой — чужой» в творчестве чувашских писателей пореволюционного времени // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 601–612. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612>

© Родионов В.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Evolution of the Author's Picture of the World According to the Model 'Self / Other' in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period

Vitaly Gr. Rodionov

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ vitrod1@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study increases in the context of the steady strengthening of the multicultural space in the modern world and the strengthening of the role of intercultural dialogue in it. In the process of searching for optimal forms of dialogue between different cultures, the artistic and verbal experience of national minorities (alias, 'инородцы' — inorodtsy) during the formative years of Soviet Russia is very useful. We are interested in the author's picture of the world of writers in the prism of ethnic self-identification, their search for ways of further existence of the nation in the context of changing reality. The purpose of this article is to identify the author's pictures of the world in their diversity and evolution. The material used is the works of talented Chuvash writers, which were composed (published, revised or staged) in 1917–1924. The borderline state of several sciences studying man and his culture is described. Literary, psychological and ethnological approaches are used. Comparative analysis with its focus on identifying the singular and unique prevails.

Key words: intra-ethnic conflict, literary canon, ethnic symbolism, ethnocentrism, turmoil, dialogue, N.G. Garin-Mikhailovsky

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Rodionov, V.G. 2025. "Evolution of the Author's Picture of the World According to the Model 'Self / Other' in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 601–612. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612>

Введение

Проблемы картины мира представляют неубывающий интерес специалистов по ряду гуманитарных дисциплин. Выявление в произведениях чувашских мастеров художественного слова динамики авторской (индивидуальной) картины мира является целью ряда наших научных разработок (см: [1–3]). Хронологические рамки анализируемого материала в данной статье мы ограничиваем 1917–1924 гг. Для сопоставления очерков о чувашах взяты произведения, отражающие картины мира русского и чувашского авторов голодных годов конца XIX в.

При интерпретации художественного текста этнологические и другие социально-исторические выводы непременно должны корректироваться с заключением литературоведческого анализа; в ином случае, как нам представляется, историко-этнологический взгляд может привести к односторонним, не учитывающим художественный анализ выводам. Или, наоборот, истоки многих образов и характеров героев, а также фабул произведений восходят к

процессам не чисто художественного, а этнологического порядка. Здесь литературовед обязан выходить за рамки своей науки и вникать в конкретные проблемы исторической этнологии. В частности, авторские картины мира невозможно изучить без знания механизма формирования этнической картины мира. Как пишет этнолог С. Лурье, этнические константы, включающие в себя целый ряд бессознательных образов, не субстанциональны, а операциональны, они относятся к образу действия человека по отношению к объектам мироздания. Это система фиксированных установок, выступающих либо как артефакты (модели действия), либо как когнитивные артефакты. В результате «создается основание для того, чтобы внешняя, (интенциональная) конфликтность отреагировалась „драматизированным“ образом через взаимодействие „образов“, имеющих в каждой культуре неповторимые особенности»¹. Так в каждой культуре складывается свой канон восприятия реальности. С этой точки зрения, активность человека предстает как взаимодействие «образов». Традиционный внутриэтнический конфликт ряда этносов локализует злое начало вне пределов себя, своего этноса². Такие теоретические посылы исторической этнологии нами частично апробированы на материале чувашской литературы [1. С. 242, 246; 2. С. 218–219]. Выявление динамики образа мира по модели «свой — чужой» позволяет нам увязать его изменение с законами функционирования самого этноса.

Следующая наша методическая особенность как литературоведа-историка — это осознанное неприятие ряда терминов, которые в советскую эпоху стали политическими ярлыками (например, национализм) [4]. В оценке мировидения в творчестве писателей целесообразно использовать нейтральный (не политизированный) термин, например этноцентризм. Последнее словосочетание освобождено от аксиологической семантики, соответственно, и от предвзятой позиции исследователя. С одной стороны, этноцентризм может оказаться определенным препятствием для межгруппового взаимодействия. С другой стороны, этноцентризм выполняет, по утверждению психологов, полезные для этнической группы функции (поддержание ее позитивной идентичности, а также сохранение целостности и специфичности)³.

Обсуждение

Исследование проблем развития авторской картины мира уместно начать с характеристики людей с личностным сознанием, которые в обществе выполняют функцию советчиков. Какое-то количество таких людей постоянно

---

¹ Лурье С.В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. Москва : Академический Проект: Гаудеамус, 2004. С. 292

² Там же. С. 471

³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2009. С. 278.

«поддерживает „центральную зону культуры“ в ее целостности». Другими словами, они принимают этнический способ видения мира, чтобы народ принял те этические нормы и ценности, к которым люди с личностным сознанием пришли, тем самым активизируют этнические константы»⁴. Такие люди особенно в периоды смуты выделяются своей активной (консервативной или же креативной) деятельностью. А смута, как объясняет С.В. Лурье, «служит инструментом сброса накопившегося напряжения в этнокультурной системе, является и функционально необходимым элементом механизма трансформации этнической картины мира»⁵.

Русскому слову «смута» наиболее близка чувашская лексема *пӑлхав* «бунт, волнение, смута, мятеж, суматоха» (от пратюркского *bulya* — «мешать, перемешивать», «мутить» + *аф. -v*)⁶. Основная часть локальных смут чувашского этноса XVII–XX вв. вызвана прежде всего особенностями его внутри-этнического конфликта (локализация злого начала вне пределов своего этноса) и территории проживания (частые засухи и другие природные катаклизмы в зоне рискованного земледелия). Чувашский этнос вплоть до начала XX в. функционировал в режиме резкого противостояния сельских мирян с представителями иноязычной власти [3. С. 146–147]. Местное начальство весьма грубо, без каких-либо объяснительных работ среди крестьян, пыталось реализовать любые решения губернских чиновников. Именно по такой причине крупное волнение чувашских и марийских крестьян произошло к середине XIX в. Акрамовское восстание (*Шурча вӑрси*) хорошо показано и изучено в произведениях и этнологических работах Спиридона Михайлова (Яндуша), чуваша с развитым личностным сознанием того времени [3]. Другой его современник (Василий Лебедев) свое стихотворение без названия завершил такими строками: «Ешь, чуваш, свой черный хлеб, / А скотину продавай; / Скопишь ты побольше денег, / Дьякам коль придет беда. / Ешь, чуваш, свой черный хлеб. / Что поделать? — наше “счастье”!»⁷.

К подобным чувашским деятелям присоединялись некоторые русские писатели, указавшие в своих произведениях на основные причины страданий чувашских крестьян во время голода и эпидемических болезней — это безответственное отношение чиновников местной власти к нуждам сельских общин. Например, талантливый очеркист Н. Гарин-Михайловский в очерке «В сутолоке провинциальной жизни» (1900) на своем примере (он был помещиком с взглядами, близкими к картине мира народников) показал, что быв-

⁴ Лурье С.В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. Москва : Академический Проект: Гаудеамус, 2004. С. 416

⁵ Там же. С. 444.

⁶ Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Том 1. Чебоксары : ЧГИГН, 1996. С. 396–397.

⁷ Революционерни чӑваш литератури. Текстсем. Том. 1 (XX ӗмӗрччен). Шупашкар : Чӑваш кӗн. изд-ви, 1984. С. 98. Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — В.Р.

шие русские крепостные крестьяне были защищены от произвола кулаков и коштанов-миродов лучше, чем бедняки-«инородцы», не имевшие рядом образованного покровителя-советчика. По рассказу русского очеркиста, чуваша-язычники из д. Парашино (настоящее название — Кармало-Аделяково) Самарского края, подозревая земское начальство в очередном подвохе и прислушиваясь к слухам, распространяемым хлебными торговцами, отказались от общественной запашки, «в отношении которых земство мужественно выдержало свой ультиматум: хочешь бери, хочешь нет... Только тогда, когда на деревне и большинство уже проедало свою скотину, становясь таким образом тоже голытьбой, — запашка принималась»⁸.

В упомянутой чувашской деревне к концу 1891 г. разразился голодный тиф, а в июне следующего года, как повествует рассказчик, автор «попал случайно на чувашский праздник весны Уяв, в честь Тура и молодой богини, дочери доброго и великого бога Тура»⁹ (на основе данного фрагмента чувашского праздника и описания последующих событий во время холерной эпидемии русский писатель сочинил драму «Зора»). «Многое из того, что приписывалось только народному невежеству во время холерных беспорядков, — обобщал Н. Гарин-Михайловский, — надо списать с народного счета и записать за счет кого угодно, только не народа»¹⁰. В бывшем своем поместье писатель организовал обучение детей и взрослых грамоте, проводил их лечение доступными в те годы методами и лекарствами, занимался агрономией.

Таким же покровителем для паствы был чувашский священник и переводчик Даниил Филимонов, который в июне 1891 г. отправил своему учителю Н. Ильминскому душераздирающее письмо с сообщением о начале голода в его приходе (через два года он опубликовал об этом очерк в форме отдельной брошюры¹¹). В конверт был вложен маленький пакет с зеленым порошком, сделанным из сушеных листьев лебеды и липы, как образец еды голодных чувашей. Через обер-прокурора Синода письмо было опубликовано в «Московских ведомостях», а пакетик с порошком представлен императору Александру III. В помощь голодающим было собрано более 6 тыс. рублей деньгами, хлебом и вещами. Такой поступок священника помог спасти сотни жизней чувашских прихожан. Но на такой благородный поступок писателя в рясе губернатор Казанской губернии ответил своим резким обвинением в преувеличенном изображении голода в письме, а епархиальное начальство — упреком за несанкционированную публикацию письма в центральной прессе¹².

⁸ Гарин-Михайловский Н. Несколько лет в деревне : очерки, драма / сост., послесл. и прим. к драме «Зора» Ф.Е. Уяра. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 192.

⁹ Там же. С. 210.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Революциячченхи чăваш литератури. Текстсем. Том 1 (XX ёмёрчен). С. 192, 442.

¹² Александров Г. Чувашские интеллигенты : биографии и судьбы. Чебоксары : Тип. Шафрановой Г.К., 2004. С. 77–82.

Итак, мы привели два факта из чувашской жизни голодного 1891 г. В описании русского помещика нет глубокого сочувствия и переживания, ибо в беде оказались не свои, а «иностранцы»-язычники. Поступок чувашского священника можно объяснить прежде всего его развитыми национальными чувствами: он сочинил письмо и очерк ради спасения умирающих единоплеменников, с которыми связан не только по вере, но и по крови. Рассказчик очерка первого писателя выступает как абстрактный гуманист, жалеющий чужих для него людей, а рассказчик второго — как человеколюбивый страдалец, переживающий за жизнь родных и близких единоплеменников. Следовательно, авторская картина мира по модели «свой — чужой» в чувашской литературе отличалась от подобной модели в русской очерковой прозе о чувашах. Разные этнокультурные ориентации писателей русского и «иностранческого» происхождения способствовали, как увидим ниже, различию мироощущений и картин мира, а также логики развития фабулы. В них заключается уникальность произведений двух соседних народов.

В условиях распада большой родовой семьи в чувашском словесном творчестве актуализировался конфликт между разными поколениями сельских общинников. В поэме «Нарспи» К. Иванова (Кашкыра) автор ведет спор не с хранителями этнокультурной традиции, как полагают некоторые исследователи, а прежде всего с ее разрушителями, ищущими счастье в богатстве [5. С. 78]. Его поколение поэтов создало новый литературный канон, ставший нормой для чувашских писателей будущих времен. Зачинателем новой поэзии, основанной на обновленной поэтике и метрике, является *Çеçнĕл Мишиши* (Михаил Сеспель). Поэт с самого начала своего творческого пути смог вписать картины чувашского циклического мира в мироздание линейного пространства и времени. Одновременно с вышеописанным переформатированием модели чувашской картины мира данный классик чувашской поэзии развивал традиции изображения двух миров («своего» и «чужого») как более сложной системы образов и характеров героев. Ярким образцом такой организации сюжета с созданием целой галереи социально-психологических типов чувашского этноса является его рассказ «*Вăрман ачисем*» (Дети леса, 1918, март)¹³.

Фабула данного рассказа построена, как и поэма «Нарспи», по принципу четкого выделения границ двух противоположных пространств. Но время в них движется как бы в противоположных направлениях: в чувашском («своем», природном) — в сторону деградации (разрушения и исчезновения), а в «чужом» (русском) — в сторону прогресса, но вместе с тем и уничтожения природы (железная дорога и паровоз как их символы). Соответственно, образы героев своими ценностными качествами относятся к типам людей разных исторических эпох.

¹³ Сеспель М. Собр. соч. : поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 204–221.

Для определения и выделения этих типов героев следует вспомнить очерк поэта Энтри Турхана «*Чăваш историйĕ*» (История чувашского народа, 1917), в котором исторические вехи предков чувашей разделены на следующие эпохи: 1) эпоха хуннов и гуннов; 2) эпоха Аттилы и его потомков; 3) эпоха волжских булгар; 4) эпоха Золотой Орды и Казанского ханства; 5) эпоха Московии и Великорусского государства¹⁴. Первые три эпохи автором оценены как героические, а последующие — как регрессивные. Многие военные действия проходили на земле предков чувашей, от монгольских нукеров и русских ушкуйников они спасались бегством в дремучие леса, поэтому становились трусливыми, боялись любого татарина и русского, сторонились от всего внешнего мира, ставшего для них не просто чужим, а *сичĕ ютă* (семь раз чужим). По этой причине внутриэтнический конфликт чувашского этноса в годы испытания им национального гнета (XV–XIX вв.) оказался «вне пределов себя, своего этноса»¹⁵. В эти века чувашский этнос стал на путь самоизоляции и консервации, в периоды очередных смут все крепче закрепляя картины мира и этнические стереотипы человека без каких-либо прав, кроме права на рабский труд.

Какие же человеческие качества имеют герои рассказа «Дети леса»? Наиболее положительными чертами характера автор наделил деда *Ухилле* (Угиле) — престарелого отца шестерых сыновей, главу родовой семьи, одновременно и земледельца, и охотника (универсального типа чуваша дохристианской эпохи). Он строго соблюдает традиционные обряды и народную веру, в том числе почитает и *Ырă Киремет* (Священный дух-предок, который обитает в старом дубе, «что стоит на холме у опушки»). Его женатый сын *Сүхепи* (Сюгеби) «страдает» от безделья, больше всего боится не чувашского Священного духа-предка, а сборщиков налогов и русских начальников из волостной конторы (тип чуваша из пятой эпохи). Самые храбрые, молодые, трудолюбивые и творческие герои — это *Çăлтăр* (Сёлдыр «звезда») и *Çеçпĕл* (Сеспель «медуница»). Первый запекает песню о героических действиях Аттилы и о его похоронах: «Умер он в бою, / В схватке пал с врагом, / Похоронен он / В золотом гробу, / Да на дне морском»¹⁶. Здесь изображен так называемый «золотой век» предков чувашского народа, память о котором частично сохранилась в его устном поэтическом творчестве.

Певца с уникальным именем (имеется другое, более символичное значение *çăлтăр*-: *çăл*- «спасать» + *тăр* «пусть [он]»), т. е. «пусть [он] спасет»)

¹⁴ Турхан Энтри. Юлашки юрăм. Сърнисен пуххи. Шупашкар : Сĕнĕ вăхăт, 2010. [Моя последняя песня. Собр. соч.] С. 58–86

¹⁵ Лурье С.В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. Москва : Академический Проект: Гаудеамус, 2004. С. 471–472

¹⁶ Сеспель М. Собр. соч. : поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 210–211.

поддерживает вся команда всадников, дружно следующая на строительство железной дороги, что идет на территории проживания русских людей. На первый взгляд, они будто бы напоминают своих древних и славных предков первых трех эпох, которые в стародавние героические времена регулярно устраивали военные походы в чужие пространства.

За Сёлдыром сын деда Угиля Сеспель переходит к импровизации песни о лесных соловьях: «Соловей, соловушка, / Маленькая пташечка, / Хотя ростом и мала, / Песней полнит целый лес»¹⁷. Здесь уже изображена картина, типичная для четвертой эпохи жизни предков чувашей. Об этом мы сможем прочесть и в вышеупомянутом историческом очерке Э. Турхана (данное предложение связывает образ соловья с четвертой эпохой): «Только после ухода татаро-монгольских преследователей запевали соловьи черного леса свои радостные песни, призывая чувашей, успевших превратиться в людей с мышиным сердцем, не бояться леса, продолжать трудиться и жить»¹⁸.

Самый отрицательный герой — это Мигур, холостой, бездомный, совсем не храбрый, но драчливый чуваш, который долго батрачил у русских, художественно выучил их язык, чем и гордился среди сородичей. Писатель наделил данного героя редким именем, которое, скорее всего, образовано от существительного *мăкăр*, что означает «насыпь железной дороги», «холм на поле», «шишка» и т. п.¹⁹. Действительно, он, владеющий русским языком, считает себя цивилизованным (автор произведения уточняет: он — лишь насыпь прогресса, приводящего этнос к гибели). Это (обрусение и исчезновение) есть один из двух путей, ведущих чувашей в будущее. Другой путь избрали бы Сёлдыр и Сеспель (восстановление в памяти настоящей истории этноса, усиление родного народа энергетикой Космоса и Земли). Только таким образом можно было избавиться от обретенных в поздние эпохи трусливости и разобщенности чувашей. Но сын Угиля Сеспель погибает, после себя он оставляет лишь могильную насыпь (автор-повествователь путем ретардации сюжета и лирического отступления выражает свое глубокое разочарование по этому случаю). Вся надежда на Сёлдыра, вернувшегося в отчий дом живым и невредимым. Не случайно фонетический облик его имени образует второе, более символичное значение: *çăл*- «спасать» + *тăр* «пусть [он]», т. е. «пусть [он] спасет». Читатель знает, что из возвратившихся живыми только *Çăлтăр* (название звезды в чувашском языке образовано от имитатива *йăлтăр*, что означает подражание яркому свету или блеску) сможет просветить свой народ, избавить его от старых и новых недостатков. Именно светом (солнцем) очи-

¹⁷ Сеспель М. Собр. соч. : поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 210.

¹⁸ Турхан Энтри. Юлашки юрăм. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Çĕнĕ вăхăт, 2010. [Моя последняя песня. Собр. соч.]. С. 76

¹⁹ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка : в 17 томах. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1935. Том 8. С. 299

щается человек: «*Џутă хёвельне / Џуталса тăрар. / Тăван чёлхене / Пёрлешсе юлар!*» (Светел человек / Солнечной судьбой. / Да сплотит навек / Нас язык родной! (1918. Русский перевод А. Дмитриева)²⁰. Дважды повторенное многозначное слово *çăлтăр*, как крылья концепта *халăх* «народ» (*çăлтăр / халăха / çăлтăр*), образует совершенно новую семантику: «спаситель-звезда / народ [наш] / пусть спасет». Таким образом, чувашское *çăлтăр*, как ключевое слово, раскрывает свернутый в нем смысл, идею-мечту автора-художника: есть еще светлая надежда на возрождение веками униженного народа.

На основании вышеизложенного можно утвердительно сказать, что артикулированные Сеспелем идеи и задачи пореволюционного времени имплицитно присутствуют и в рассказе «Дети леса». Но там особый акцент сделан на эпохе распространения в Поволжье благ европейской техногенной цивилизации (строительство железной дороги). Вышерассмотренный рассказ автор оставляет как бы незавершенным, тем самым интригует читателя и заставляет хотя бы мысленно дописать его конец, естественно, с учетом изменившейся действительности к 1918 г. и типов характеров вернувшихся домой героев.

Первым чувашским поэтом и драматургом, создавшим яркий образ рабочего и достойного презрения единоплеменника, был Мэтри Юман. Его произведение «*Шевле вылять*» («Играет зарница», 1917) построено на противопоставлении героического прошлого чувашей и низменного их состояния в настоящее время, что удачно синтезировано в самом жанре текста *шăранчăк* «сплав» (героической поэзии и приземленной прозы). К данному чувашскому термину наиболее близок жанр татарской литературы *нәсер* (в старых словарях он переводился как «белый стих» и «проза»). После стихотворного описания эпического героя *Улăп* (Улып) из чувашского фольклора автор начинает повествовать прозой: «Неужели и мои современники такие же? Ах, родной мой, не напоминай, душу свою не успокаивай, возвышая теперешних людей. Они больные, слабые букашки, слабоумные и трусливые существа; нынешние люди — дармоеды...»²¹.

Перед нами невольно предстает картина первой встречи рассказчика с чувашами из очерка Н. Гарина-Михайловского «В сутолке провинциальной жизни»: «Отбежав поодаль, остановилась и остальная толпа. „— Думали была чиновник какая“, — снисходительно приветствовал меня старик. „— А если и чиновник“, — пренебрежительно огрызнулся с козел Владимир, — так он съест, что ли? То-то зайцы...“. „— Ну зайца, — сказал старик, — нынче чувашка не зайца: кто хочешь приезжай...“. „— А сами от кого хочешь лыжи так и навастривают...»²².

²⁰ Сеспель М. Собрание сочинений : поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 76-77.

²¹ Юман Мэтри. Суйласа иллисем. Калавсемпе новелләсем, повесть, драма, очерксем, асилүсем, статьясем, сырусем. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. С. 39.

²² Гарин-Михайловский Н. Указ. соч. С. 210.

В драме «Зора» (после 1899 г.²³) автор воплотил образ рассказчика из вышеназванного очерка в главном герое Гарри, цивилизованном англичанине-романтике, мечтавшем «покой животный» «несчастных рабов» и «покорного народа» заменить техногенным «счастьем сознания»²⁴. Этот герой (по реплике другого персонажа, разочарованный «добрый утопист») намерен на земле «дикарей» проложить железные дороги, привезти по ним машины и построить дворцы. А чувашский старик (в драме он жрец) и его языческая паства принимают путешественника за вестника злого Ирика (*Йёрёх*). Устами жреца воспроизводится мифологическое предсказание чувашей: «...О, горе нам! Пророчество сбылось. Да, точно, старик наш говорил: придут тяжелые години, и Тура Ирику над нами волю даст...»²⁵.

С вышеназванными произведениями Н. Гарина-Михайловского о чувашах М. Юман ознакомился, скорее всего, после 1916 г. (драма «Зора» впервые была опубликована в том году²⁶). Очерк он мог прочитать раньше, в годы своей работы в редакции одной из московских газет или учебы в Московском императорском университете и народном университете им. А. Шанявского (1912–1915 гг.)²⁷. Авторская картина мира «*Шевле вылять*» более соответствует динамичной модели «свой — чужой», изображенной в драме «Зора». Русский драматург показал начало стихийного бунта чувашских крестьян («СЛУГА. Они хотят... чтоб все навеки прочь ушли мы из этих мест...»²⁸). Но из-за упорного сопротивления Гарри (в руки берет ружье) его убивает жених Зоры (Зораим): «Умри ж, проклятый!». Перед смертью хозяин замка заявляет, что умирает на посту, а его дело будут продолжать другие. Все же в конце сожалеет, что он «сердце благородное разбил, той сердце, которую одну любил»²⁹.

В драме «*Эли*» (*Уй чўкё* «Полевое жертвоприношение», 1922, 1924) иностранец (он имеет там другое имя — *Энгирей*) изображен более жестоким, чем в драме Гарина-Михайловского, а жених *Эли* (< *Элиме* «женское языческое имя») — более смелым, подобным древним богатырям из мифологического *шйранчйк* М. Юмана. Лирического субъекта этого ритмизованного текста чувашского автора мучают сомнения: он ищет путь к Зарнице, символу

²³ В Примечаниях составитель книги Хведер Уяр пишет: «Как и в очерках и рассказах крестьянского цикла, основная часть драмы — властное вторжение капитализма в глухие уголки России, в частности, в чувашскую деревню. Но реализует ее автор в форме драмы. В эти годы Гарин-Михайловский как раз пробует свои силы в драматическом жанре (так, в 1898 г. им написана драма “Орхидея”)» (*Гарин-Михайловский Н.* Указ. соч. С. 378–379).

²⁴ *Гарин-Михайловский Н.* Указ. соч. С. 346.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 378.

²⁷ *Юман Мётри.* Указ. соч. С. 427, 443, 521.

²⁸ *Гарин-Михайловский Н.* Указ. соч. С. 356.

²⁹ *Гарин-Михайловский Н.* Указ. соч. С. 357.

народного счастья и свободы. На том вечном пути его ожидают черные тучи и злые мифические существа. Героя (он символ всего чувашского народа) зовет отблеск долгожданной зари, и он вечно идет в сторону небесного сияния. Тот путь, пролегающий через большие преграды, — дорога от рабства к свободному миру, в цивилизованное будущее чувашской нации.

Как известно, в 1922 г. И. Максимов-Кошкинский перевел драму Н. Ггарина-Михайловского на чувашский язык и поставил на сцене чувашского театра г. Чебоксары, а потом они совместно с М. Юманом написали сценарий будущего кинофильма «Зора» (Сарпиге), премьеры которого состоялась в Москве 12 марта 1927 г. Максимов-Кошкинский, подражавший русскому драматургу в образовании своего псевдонима, не стал следовать фабуле его драмы (например, героиня не замерзает, а топится в озере у своего дома, а в последнем варианте она погибает от хладнокровного выстрела помещика Энгирея). Сценарист убрал все сказочное, изменил имена многих персонажей, в сюжетную канву ввел социальные мотивы. Первоначально скромного, но активного парня — жениха Эли (Атнер) превратил в предводителя чувашских бунтарей³⁰. Изображение смутного состояния чувашского этноса позволило автору показать процесс трансформации картины чувашского национального мира в пореволюционные годы XX в.

Заключение

Чувашская словесность на основе устных и письменных традиций начала XX в. синтезировала новый литературный канон с фабульными и аксиологическими модусами «свой» и «чужой». В круг «чужого» чувашские писатели первоначально включали всех иноязычных людей, что было связано с особенностью внутриэтнического конфликта чувашского этноса. С появлением образованных людей из своей среды «чужими» могли называться и некоторые из бывших «своих», которые стали презирать свое национальное и социальное происхождение. Традиционное равновесие между этническими сообществами нарушалось в периоды смут, когда на фоне появления опасности исчезновения этноса слово «свое» обретало спасительную семантику. Авторские картины мира усложнялись, обретая утопические и антиутопические тональности. Картина мира чувашских писателей 1917–1924 гг. ориентирована в первую очередь на поддержание целостности чувашского этноса и сохранение его жизнеспособности в постоянно изменяющемся внешнем мире.

---

³⁰ В позднем варианте драмы «Уй чўк» Атнер призывает бунтующих чувашей такими словами: «Родные! Остановитесь! Послушайте меня! Сожгите весь город. Пусть сгорит проклятый город! Уничтожим своих врагов!» (*Максимов-Кошкинский И. Уй чўк*. Ютра. Мускав : СССР-ти халăхсен тѣп издательствин, 1928. С. 56).

Список литературы

1. *Родионов В.Г.* О фольклорной и авторской картинах мира в творчестве первых чувашских классиков // Национальные литературы в контексте культурной интеграции : материалы Международного круглого стола. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 240–248. EDN: WTVMVU
2. *Родионов В.Г.* Разные картины мира в аспекте авторской самоидентификации (по поэмам Педэра Хузангая 1930-х гг.) // Национальные картины мира. К 100-летию со дня рождения Р.Г. Гамзатова : тезисы докл. Междунар. науч. конф. Москва : ИМЛИ РАН, 2023. С. 213–223.
3. *Родионов В.Г.* Труды Спиридона Михайлова (Яндуша) в аспекте некоторых проблем исторической этнологии // Вестник Чувашского университета. 2021. № 4. С. 135–148. <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-4-135-148> EDN: GONGXX
4. *Кирчанов М.В.* Польско-чувашские «фантастические» параллели» в литературе XX века // Пятые Лемовские чтения : сб. материалов Междунар. науч. конф. Самара : Самар. гуманитар. академия, 2020. С. 261–270.
5. История чувашской литературы XX в. Ч. 1 (1900–1955 гг.) : коллективная монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.

Сведения об авторе:

Родионов Виталий Григорьевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, 29/1. ORCID 0000-0003-0143-7952, eLibrary SPIN-код: 6148–9261. Email: vitrod1@yandex.ru